

РЕЛИГИЯ И НАУКА

въ ихъ взаимоотношеніи къ наступающему XX-му столѣтію ¹⁾.

II.

Девятнадцатое столѣтіе завѣщаетъ двадцатому перазрѣшенный конфликтъ между богословіемъ и науками естественными, историческими и философскими. Конфликтъ между ученіемъ вѣры и различными научными вопросами имѣеть различную давность: въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собою многовѣковую исторію спора, въ другихъ столкновение возникло на нашихъ глазахъ. Несогласіе религіи и науки по различнымъ вопросамъ имѣеть и различную популярность. Естественнонаучныя возраженія извѣстны всего болѣе: объ обезьянѣ и Дарвинѣ слыхаль всякій; о томъ, что существуетъ какая-то рационалистическая критика библейскаго текста, подозрѣвають очень немногіе. Наибольшая давность, понятно, принадлежитъ возраженіямъ философскимъ: существенные вопросы вѣры съ древнѣйшихъ эпохъ челоувѣческой исторіи рѣшались рационалистически многими философами. Наибольшую наглядность и убѣдительность въ настоящее время приписываютъ возраженіямъ естественнонаучнымъ: эти возраженія, говорятъ, утверждаются на фактахъ, а нѣтъ ничего неотразимѣй и убѣдительнѣй факта. Мы начнемъ наше обзорѣніе пунктовъ разногласія между религіей и наукой съ того, гдѣ торжество невѣрія надъ вѣрою мыслителямъ, рационалистическаго направленія пред-

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстн., ноябрь, стр. 359—385

ставляется имѣющимъ наибольшую наглядность и кончимъ обзорѣніемъ тѣхъ возраженій противъ вѣры, которыя имѣютъ наибольшую давность.

Говорятъ, что между богословіемъ и естествознаніемъ существуютъ разногласія въ представленіи 1) системы міра, 2) исторіи этой системы и 3) взаимоотношенія существъ въ этой системѣ и въ этой исторіи.

Анализъ библейскаго текста и его пониманія у древнѣйшихъ толкователей, по мнѣнію изслѣдователей рационалистическаго направленія, раскрываетъ, что христіанская вѣра представляетъ землю центромъ мірозданія и человѣка его вѣнцомъ. Всѣ свѣтила міра—солнце, луна, звѣзды, кометы вращаются вокругъ земли, всѣ они служатъ землѣ во знаменія и во времена и чтобы освѣщать и согрѣвать ее. Все внѣ земли существуетъ только для земли, и земля существуетъ только для человѣка. Онъ—истинный и единственный владыка вселенной. Таковъ, говорятъ, смыслъ христіанской космологіи. До XVI столѣтія эта космологія была всеобщей, но въ половинѣ XVI вѣка гениальный каноникъ изъ Торна павѣки сокрушилъ ее своею книгою *De revolutionibus orbium coelestium* (1543 г.) которая произвела истинную революцію въ міропредставленіи человѣчества. Онъ высказалъ, что земля только ничтожная точка въ безграничной вселенной, что она—одинъ изъ сравнительно незначительныхъ спутниковъ солнца, которое само вовсе не представляетъ собою особо грандіознаго міроваго тѣла, солнце, это—только песчинка, плавающая въ океанѣ вселенной, Близорукость и слабость человѣческаго зрѣнія въ теченіе тысячелѣтій не могла разсмотрѣть міриадовъ міровъ, находящихся за предѣлами той системы, центромъ которой была эта песчинка. Люди не догадывались, что маленькіе предметы вблизи кажутся больше большихъ, находящихся въ отдаленіи. Вслѣдствіе этого ихъ картина міра была совершенно ложною. Коперникъ принялъ во вниманіе оптическія свойства нашего глаза, сталъ на новую точку зрѣнія, и міръ оказался совершенно инымъ. Но это измѣненіе въ представленіи міра, говорятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ было крушеніемъ религіозныхъ вѣрованій. Прежде міропредставленіе утверждалось на авторитетѣ божественнаго откровенія, теперь вмѣстѣ съ паденіемъ этого міропредставленія палъ и этотъ авторитетъ. Что

значение смѣлой гипотезы скромнаго каноника было дѣйствительно таково, это, говорятъ, ясно открывается изъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Книга Коперника была занесена въ index (въ 1616 г.), и съ идеями этой книги католическая церковь вела долгую и упорную борьбу и она заставила Галилео Галилея стоя на колѣнахъ произнести передъ священной конгрегаціей Рима слѣдующую присягу: „я былъ сильно подозрѣваемъ въ еретическомъ мнѣніи, что солнце стоитъ не подвижно въ центрѣ міра, а не земля, которая движется. Поэтому желая изгнать изъ мысли вашихъ преосвященствъ и всякаго католика такое сильное, но справедливое противъ меня подозрѣніе, съ чистымъ сердцемъ и искреннею вѣрою, я отрицаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутыя ереси и заблужденія, и вообще всякое заблужденіе, противное ученію св. римско-католической церкви; я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни словесно, ни письменно ничего могущаго возбудить противъ меня подобныя подозрѣнія, и если узнаю о какомъ-либо еретикѣ или подозрѣваемомъ въ ереси, то донесу о немъ сему святому судилищу инквизиціи или инквизитору того мѣста, въ которомъ буду находиться“. Устами Галилея римская церковь назвала новую космологію ересью, она упорно боролась съ нею, но наука побѣдила, и церкви пришлось уступить. Однако да не подумаетъ кто, что по вопросу о представленіи міра между учеными и вѣрующими установился миръ. Нѣтъ, и на западѣ до послѣдняго времени нѣтъ да нѣтъ какой-нибудь ревностный католикъ выскажетъ, что земля стоитъ, а солнце движется (наприм., недавно Делетръ) и на востокѣ не мало такихъ религіозныхъ геоцентристовъ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и изъ частныхъ бесѣдъ съ свѣдущими людьми приходится узнавать о существованіи лицъ, безспорно, очень образованныхъ, которые или прямо отрицали теорію Коперника или уже въ теченіе десятилѣтій собираютъ противъ нея доводы. Что показываютъ эти факты? Какъ будто то, что въ глубинѣ своей души они надѣются, что въ одинъ прекрасный день явится новый каноникъ или аббатъ и сокрушитъ своими доводами систему Коперника, какъ иѣкогда Коперникъ сокрушилъ Птоломея. Сила вещей, говорятъ, заставила богослововъ принять новое ученіе и заявить, что и Библія учитъ именно такъ, какъ учить

повая астрономія, но въ глубинѣ души они сознаютъ, что Библія учитъ не такъ, и ждуть, что новое — хотя бы научное—откровеніе обличитъ некогда ложь астрономической доктрины.

Перемѣщеніе центра вселенной, по мысли ученыхъ, непремѣнно влечетъ за собою развѣичаніе человѣка. Если земля—не центръ, то человѣкъ—не владыка міра. На безчисленныхъ мірахъ вселенной должны существовать безчисленные обитатели, и поскольку эти міры болѣе величественны, громадны и прекрасны, чѣмъ земля, постольку ихъ обитатели должны быть выше земныхъ. Житель Сатурна долженъ быть гораздо выше, чѣмъ человѣкъ, и житель Сиріуса долженъ стоять неизмѣримо выше сатурніанца. Въ „микромегасѣ“ Вольтера мы находимъ бесѣду гражданина Сиріуса съ гражданиномъ Сатурна, о сущности и цѣли бытія. Мѣстомъ разговора была земля, и въ него вмѣшались земные мыслители. Тогда маленькое животное въ черной шапочкѣ, высокомерно вмѣшавшись въ споръ, заявило, что оно знаетъ всю тайну бытія и что раскрытіе ея находится въ „суммѣ“ (*summa theologica*) св. Θомы. Маленькое животное хотѣло смотрѣть сверху внизъ на обоихъ небесныхъ обитателей, оно заявило имъ, что они, ихъ міры, ихъ солнца, звѣзды, все это создано единственно для человѣка. Это—нельзя сказать, чтобы скромное—представленіе о человѣкѣ вызвало неудержимый смѣхъ въ жителяхъ небесныхъ міровъ. Но такое заявленіе, говорятъ, и теперь идетъ со стороны религій и вызываетъ законный смѣхъ въ людяхъ науки. Въ апологетическихъ трактатахъ подробно раскрывается, что во всей неизмѣримой вселенной только одна земля устроена такъ хорошо, что на ней возможна жизнь и притомъ разумная жизнь. Когда миланскій астрономъ Скіапарелли выступилъ съ своею теоріею обитаемости Марса, подтверждаемую будто бы присутствіемъ на Марсѣ искусственныхъ каналовъ, богословы явно обнаружили, что они живо заинтересованы въ томъ, чтобы эта гипотеза оказалась ложною. Въ апологетическихъ журналахъ и книгахъ скромному спутнику солнца стали оказывать преувеличенное вниманіе. Всѣ сообщенія наблюдателей Марса, опровергающія Скіапарелли, заносились тщательно на приходъ защитниками христіанской вѣры. Линіи каналовъ, оказалось, перемѣщаются; отсюда выводъ,

что, значить, они—не искусственныя водныя сооружеія. Материкъ Марса окрашенъ въ красный цвѣтъ. Эта окраска повидимому должна быть вслѣдствіе присутствія на Марсѣ большаго количества одноокиси желѣза. Еслибы на Марсѣ была растительность, то она бы перевела одноокись желѣза въ двухъокись, имѣющую черную окраску; значить, на Марсѣ нѣтъ растеній, а если нѣтъ растеній, то нѣтъ и животныхъ. На всѣ эти разсужденія апологетовъ ученые отвѣчали, что мы не знаемъ ни состоянія другихъ міровъ, ни того, при какихъ условіяхъ возможно тамъ развитіе жизни. Жизнь можетъ тамъ существовать совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ на землѣ. Мы не знаемъ всѣхъ возможныхъ типовъ, въ которые можетъ отлиться жизнь, и мы имѣемъ всѣ основанія думать, что они не ограничиваются тѣми, которые мы знаемъ. Еслибы мы не знали, что въ водѣ живутъ рыбы, мы бы думали, что въ водѣ жизнь невозможна. До послѣдняго времени отвергали возможность жизни на большихъ глубинахъ (считая препятствіемъ для нея страшно высокое давленіе воды), глубоководныя изслѣдованія отвергли это предположеніе. Мы не знаемъ всѣхъ условій, при которыхъ возможна жизнь; не знаемъ условій, въ которыхъ находятся міры вселенной; не знаемъ о существованіи безчисленнаго количества міровъ, находящихся внѣ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ достигать нашъ глазъ, смотрящій на небо въ сильнѣйшіе телескопы. Та пустота, которую мы представляемъ во вселенной, есть только пробѣлъ въ нашемъ знаніи. Не зная ничего о мірѣ, мы наивно воображаемъ, что онъ представляетъ собою пустыню. Но телескопъ, вычисленія и размышленія во всякомъ случаѣ приводятъ къ признанію неразумности такого представленія и къ предположенію, что кромѣ человѣка въ міровомъ пространствѣ живетъ немало существъ, которыя стоятъ неизмѣримо выше человѣка. Эти предположенія науки, говорятъ, стоятъ въ противорѣчій съ положеніями религіи: съ ученіемъ о землѣ, твореніи и паденіи человѣка, о спасеніи человѣка чрезъ боговоплощеніе, о имѣющемъ быть второмъ пришествіи, о воскресеніи тѣлъ, вообще со всею религіозною доктриною, которая дѣлаетъ землю ареной всемирной исторіи, ареной, на которой какъ бы исключительно развивается дѣятельность Самого Бога.

Конфликтъ между религіей и наукой въ дѣлѣ представленія системы міра восходитъ къ XVI столѣтію. Вслѣдствіе того, что онъ имѣетъ давность почти въ полтысячи лѣтъ, онъ утратилъ свою силу и остроту. Онъ замалчивается, дѣти въ христіанскихъ школахъ одновременно заучиваютъ и истины религіи и представленія новой астрономіи и при помощи нѣкотораго фиктивного примиренія оба ряда представленій мирно укладываются въ ихъ юныхъ головкахъ. Гораздо позднѣе—всего лишь со второй половины XVIII столѣтія—возникъ конфликтъ по вопросу о представленіи исторіи міра, и такъ какъ отъ возникновенія конфликта до настоящихъ дней протекло сравнительно не много времени, то онъ еще не улаженъ, богословы не пришли еще ни къ какому окончательному соглашенію. Вообще говоря, богословы чувствуютъ, что придется уступить, но пока остается малѣйшая возможность не дѣлать роковой уступки, они ее не дѣлаютъ. Согласно ученію признаваемому откровеннымъ человѣкъ думаетъ, что міръ существуетъ очень недавно. До человѣка онъ существовалъ всего пять дней съ небольшимъ и со времени появленія на землѣ человѣка еще не прошло восьми тысячъ лѣтъ. Человѣкъ думаетъ что безусловно истинное описаніе этой исторіи онъ имѣетъ на страницахъ Библіи. Наука послѣдняго столѣтія идетъ рѣшительно противъ этихъ представленій, возникли космогонія и историческая геологія, которыя сообщаютъ намъ о прошедшемъ міра нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что мы вычитывали на страницахъ священныхъ книгъ. Теперь исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ стала разрабатываться теорія образованія солнечной системы, къ которой принадлежимъ мы. Въ своихъ подробностяхъ эта теорія различными учеными представляется различно, но въ своей сущности она неизмѣнно содержитъ слѣдующія утвержденія: 1) пространство, занимаемое солнечною системою, прежде все было наполнено разрѣженной матеріею; 2) эта матерія постепенно въ теченіе милліоновъ лѣтъ сгустилась и сконцентрировалась въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ, каковыя мѣстныя концентраціи дали рожденіе солнцу, планетамъ и кометамъ (Лапласъ допускалъ, что кометы пришли въ солнечную систему изъ другого міра, но теперь это представленіе вообще оставлено). Во время процесса этихъ частныхъ концентрацій, совершавшихся съ край-

нею медленностію и постепенностію, образовалась и земля. Она явилась не сразу совершенною и готовою къ жизни, растенія не покрыли ея поверхности въ теченіе 24 часовъ, птицы, рыбы и млекопитающія не явились въ ней сразу по одному волшебному мановенію. Нѣтъ, изслѣдованіе земной коры, въ которой погребена вся прошлая исторія земнаго міра, показываетъ, что земля явилась сначала въ раскаленномъ огненно—жидкомъ состояніи что долго въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ она, какъ огненный метеоръ, носилась по небесному пространству. Нужно было много вѣковъ, чтобы на ней создались условія, дѣлающія возможною жизнь ¹⁾. Никто еще

¹⁾ Тогда наступила такъ называемая архейская эра. Она заключаетъ въ себѣ прекамбрийскую систему (особенно характерны гуронскія отложенія), силлурійскую (заключаетъ камбрийскія, ордовисійскія и голландскія отложенія), девонскую (съ этажами—гединскимъ, кобленскимъ, эйфельскимъ, гиветскимъ, франійскимъ, и фаменійскимъ), каменноугольную (подраздѣляется на эпохи—динатьенскую, собственно угольную, вестфальскую, стефановскую; это собственно для запада; въ Россіи развитіе системы представляетъ нѣкоторые самостоятельные этажи, наприм, московскій) и пермскую (этажи: отенскій, саксонскій, тюрингенскій, нѣмцы обыкновенно называютъ эту эпоху ліасомъ) Въ эту первичную эру жизнь на землѣ проявлялась только въ сравнительно низшихъ формахъ. Множество моллюсковъ, которые живутъ въ моряхъ (моря тогда покрывали гораздо большую часть поверхности, чѣмъ теперь), каковы: *Calymene Blumenbachi*, *orthoceras regulare*, *calceola sandolina*, *Productus cora*, были тогда особыя ганюидныя рыбы не похожія на нынѣ существующія, какова *osteolepis* (изъ девонскихъ отложеній); растительность состояла главнымъ образомъ изъ тайнобрачныхъ (лепидодендроны, сигиллярии, достигавшія высоты 15—29 сажень, сфеноитерисъ, пекоптерисъ, теперь у насъ представителями тайнобрачныхъ служатъ скромные папоротники, мхи и т. п.); затѣмъ были односѣменодольныя (подобныя теперешнимъ пальмамъ) и голосѣмянныя (теперь къ голосѣмяннымъ принадлежатъ хвойныя смолистыя) За эту первичную эрою послѣдовала вторичная. Она обнимаетъ систему триасовую (дѣлѣнѣннѣе образомъ примыкаетъ къ пермской, нѣкоторые называютъ ея отложенія циклиійской группой пермской системы), юрскую (раздѣляется на этажи: 1) ретійскій, хеттангійскій, синемурійскій, шармутьенскій, тоарскійскій, 2) байосійскій, батонскій, 3) калловійскій, оxfordскій, рауарасійскій, секванскій, кимериджскій, портланскій, это—этажи трехъ подотдѣловъ юрской системы—масанскаго или интрагорскаго, средне-юрскаго и верхне-юрскаго); наконецъ, эта эра оканчивается системою мѣловою, которая подраздѣляется на нижне и верхне-мѣловую (этажи: 1) неомійскій, баремійскій, алгійскій и альбійскій; 2) кеноманійскій, туронскій, сенонійскій, данскій). Въ эту эру жизнь вступаетъ въ новую высшую фазу развитія Морская жизнь характеризуется

не заключить въ хронологическія рамки исторію, пережитую землей, но если приложить хронологическій расчетъ только къ самымъ послѣднимъ эпохамъ существованія земли, то легко можно убѣдиться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ милліонами лѣтъ. Мы знаемъ, какъ измѣняется рельефъ суши теперь, какъ перемѣщаются море и земля, постепенно обра-

развитіемъ аммонитовъ (моллюски съ спиралеобразными раковинами), являются и белемниты (моллюски продолговатой формы строенія) На сушѣ являются пресмыкающіяся хиротеріумъ, остающій отпечатокъ своихъ лапъ на вѣчныя времена на песчаникѣ, динозавры (пресмыкающіяся весьма родственныя птицамъ) ихтиозавры, плезиозавры (савриі крайне длиннаго строенія), археоптериксъ (птица съ зубами, очень похожая на ящерицу), птеродактиль (летающая ящерица, очень похожая на птицу). Гесперорнисъ—высшій типъ птицы Ящерицы той эпохи имѣли крайне громадныя размѣры, но очень скудное количество мозга, жизнь представляла тогда грубыя и дикія формы, на землѣ не было разума и любви, была, только жестокая struggle for life—борьба за жизнь за существованіе За вторичной эрой слѣдуетъ третичная. Она раздѣляется на эогенъ (эоценъ и олигоценъ) и неогенъ (міоценъ и пліоценъ) Эоценъ подраздѣляется на этажи: 1) свесонскіе: тапетскій, сфарнавскій и ипресскій; 2) парижскаго бассейна: лютецкій, бартонскій и людійскій Оligocenъ дѣлается на два этажа: тонгрійскій (подраздѣляется на саннуасійскій и стампійскій) и аквитанскій. Міоценовый періодъ, имѣющій значеніе громадной важности, подраздѣляется на эпохи: бордогальскую, молассовую, тортоускую, сарматскую и понтскую. Пліоценъ раздѣляется на этажи. плезансіенъ, астегазъ сицилійскій Съ третичнымъ періодомъ начинается распространеніе на землѣ млекопитающихъ Являются толстокожія, наприм., палеотеріумъ, изъ рыбъ размножаются сквалы (акулы относятся къ ихъ роду), являются жвачныя родственныя толстокожимъ, въ концѣ періода оказываются существующими мастодонты, слоны, носороги, гиппопотамы и наконецъ является лошадь Носороги и слоны этого періода не тождественны съ нынѣ существующими, но принадлежатъ къ тому же самому виду. За третичной слѣдуетъ новая или четвертичная эра Геологи не имѣютъ для нея общепринятой и безспорной классификаціи Съ геологической точки зрѣнія эта эра только что начинается Эта эра обнимаетъ собою ледниковую эпоху и современную, т. е. ту, въ которую живемъ мы Въ ледниковую эпоху жило много животныхъ типовъ, которые угасли и вымерли теперь (мамонтъ, пещерные—левъ, тигръ и медвѣдь. можетъ быть діогніс—гигантская птица), во все то, что живетъ теперь, несомнѣнно жило и въ ледниковую эпоху. Человѣкъ уже жилъ въ то суровое время и велъ жестокую борьбу за существованіе съ природой и животными (эта эпоха характеризуется сильнымъ пониженіемъ температуры, обиліемъ воды и ледниковъ). Онъ вышелъ изъ этой борьбы торжествующимъ побѣдителемъ Таковы фазы, которыя пережила земля въ своей исторіи

зуются возвышенности, передвигаются ледники. Во времена непосредственно намъ предшествовавшія процессъ этихъ измѣненій долженъ былъ совершаться подобнымъ образомъ, какъ онъ совершается теперь. Изслѣдованіе явленій вывѣтриванія, размыванія, образования наносовъ, явленій сейсмическихъ и вулканическихъ показываютъ намъ, что измѣненія на поверхности земли происходятъ медленно и постепенно, что катастрофы, вообще говоря, почти не вліяли на эти измѣненія, онѣ были рѣдки и имѣли слишкомъ ограниченныя размѣры, чтобы ихъ можно было принимать въ расчетъ, какъ важныя геологическія факторы. Но если измѣненія въ прошедшемъ совершались такъ же медленно, какъ въ настоящемъ, то спрашивается, сколько же тысячелѣтій было нужно для того, чтобы море отъ Парижа передвинулось къ Діеппу и Гавру и чтобы море, покрывавшее нѣкогда московскую и тульскую губернію, замкнулось въ тѣ тѣсныя границы, которыя мы теперь называемъ Каспійскимъ моремъ? Хронологическій масштабъ, котораго требуетъ отъ насъ геологія, очевидно, несовмѣстимъ съ тѣми скромными датами, которыя мы извлекаемъ изъ священной исторіи. Затѣмъ, послѣдовательность появленія существъ, которую рисуетъ намъ геологія, пестрота жизни и постоянная смѣна формъ жизни утверждаемая ею,—какъ все это не похоже на тотъ порядокъ творенія, о которомъ повѣствуетъ Библія.

Конфликтъ между наукой и библіей въ вопросѣ объ исторіи міровой системы и земли падаетъ главнымъ образомъ на первую половину XIX столѣтія. Къ концу этой половины онъ, если не совсѣмъ, то все таки былъ смягченъ. Явились гипотезы соглашенія, которыя хотѣли примирить новую науку съ старой вѣрой. Но въ это время въ естествознаніи возникло новое ученіе, которое должно было положить конецъ этимъ попыткамъ примиренія, которое давало совершенно новую философію міровой жизни и которое во вторую половину вѣка крайне обострило отношенія между богословіемъ и естествознаніемъ. Явилось ученіе, которое всю многотысячелѣвную смѣну флоры и фауны, начинающуюся съ возникновеніемъ монеры и кончающуюся появленіемъ человека, попыталось истолковать генетически, какъ развитіе одного древа жизни, какъ исторію въ сущности одного рода, въ которомъ послѣдующіе члены были высшими типами по

отношенію къ предыдущимъ. Согласно этому ученію въ природѣ происходили не смѣна однихъ геологическихъ и палеонтологическихъ эпохъ другими, не смѣна флоры и фауны, а непрерывный процессъ развитія, Лошадь не смѣнила собою гиппариона—животное очень близко подходившее къ лошади, но имѣвшее не одинъ, а три пальца на ногѣ, — но произошла отъ гиппариона. Существуютъ нѣкоторые факторы, рычаги въ природѣ, которые производятъ, что послѣдующія поколѣнія не повторяютъ своихъ отцовъ, но представляютъ измѣненіе ихъ типа въ общемъ въ прогрессивномъ, иногда въ регрессивномъ направленіи. Процессъ развитія органической жизни совершался такимъ образомъ. Сначала путемъ постепеннаго преобразованія изъ неограниченной матеріи образовалось органическое вещество, затѣмъ явились организмы безъ органовъ (монера, амеба), подъ воздѣйствіемъ различныхъ внѣшнихъ условій первичные организмы дифференцировались, изъ нихъ въ теченіе можетъ быть миллионъ лѣтъ, или вѣковъ образовались различные типы безпозвоночныхъ (мы говоримъ о развитіи только животнаго царства): кишечнополостныя, губки, насѣкомыя, ракообразныя, моллюски, черви. Явились асцидии—типъ, приближающійся и къ червямъ и къ моллюскамъ, отъ нихъ, полагаютъ, произошли первыя позвоночныя (простѣйшій типъ — ланцетникъ). Затѣмъ, путемъ развитія явились рыбы отъ рыбъ земноводныя, отъ земноводныхъ летающія и пресмыкающіяся, сумчатыя млекопитающія, лемурныя, обезьяны, человѣкъ. Современная наука не претендуетъ на то, что она можетъ вполне объяснить этотъ процессъ развитія и происхожденія организмовъ, но она утверждаетъ, что она можетъ доказать, что онъ былъ таковъ. Въ сущности мы, вѣдь, не можемъ объяснить, какъ происходитъ то, что изъ зародышеваго яйца образуется человѣческій зародышъ, какъ изъ маленькаго ребенка вырастаетъ взрослый человѣкъ. Еще менѣе мы можемъ объяснить, какъ изъ монеры или изъ какого-либо ящероподобнаго существа каменноугольнаго періода явился родъ homo. Но за всеѣмъ тѣмъ въ человѣкѣ говорятъ найдены несомнѣнные слѣды его животнаго происхожденія (рудиментарныя органы, явленія атавизма и т. д.). А главное—найдены палеонтологическіе предки человѣка. Последняя такая находка была сдѣлана въ концѣ 1894 г. врачомъ

голландской службы Дюбуа на островъ Явы. Именно, онъ нашелъ нѣсколько костей, которыя по мнѣнію антропологовъ не принадлежатъ ни высшимъ обезьянамъ, ни низшимъ человѣческимъ расамъ. Существо, которому принадлежатъ найденныя кости, они назвали *Pithecanthropus erectus*—прямоходящій обезьяна—человѣкъ и признали его промежуточнымъ звеномъ между человѣкомъ и обезьянами подобными нынѣ существующимъ антропоидамъ (чimpanзе, горилла, орангутанъ). Генеалогія человѣка вообще считается теперь твердо установленною. Эта генеалогія въ противоположность библейской устанавливаетъ связь человѣка не съ Богомъ, а съ животными. Первые человѣческіе предки согласно этой генеалогіи не были существами созданными по образу и подобию Божію; нѣтъ, это были горилло-подобныя существа, которыя бродили по лѣсамъ Борнео, Суматры и Явы, боролись при помощи зубовъ и когтей и, благодаря силѣ, хитрости и ловкости, постепенно становились царями положенія. Они не были совершенно подобны современнымъ антропоидамъ. Современныя человѣкообразныя обезьяны носятъ на себѣ печать вырожденія и близкой смерти. Въ зоологическихъ садахъ Европы (ихъ привозятъ очень немного, въ Берлинѣ умеръ въ маѣ этого года орангъ-утангъ, проживъ тамъ около пяти лѣтъ) эти обезьяны производятъ на посѣтителѣ чрезвычайно тяжелое и грустное впечатлѣніе. Родившійся подъ экваторіальнымъ небомъ Суматры и умирающій въ холодномъ и туманномъ Берлинѣ орангъ съ своими человѣческими ухватками, съ грустною ласковостью, съ наvertingающимися порой на глазахъ слезами, долженъ быть заставлять думать посѣтителѣ что ради нихъ его лишили свободы, во имя науки оторвали отъ братьевъ, семьи и перевезли съ благодѣтельнаго юга на убивающій его сѣверъ. Во имя науки уничтожатъ и всѣхъ его собратіи. Въ ряду предковъ человѣка не могло быть такого вымирающаго рода, но за всѣмъ тѣмъ этотъ родъ близкородствененъ его предкамъ. Но человѣкъ поднялся надъ родственными типами, однако онъ поднялся, какъ выскочка, какъ рагвенцъ. Отличительное свойство всѣхъ выскочекъ—лицъ низкаго происхожденія своеобразнымъ путемъ достигшихъ высшихъ степеней, что они усердно стараются порвать связь съ своимъ прошлымъ, замести и уничтожить слѣды своего происхожденія.

Безсознательно или сознательно, но такъ поступали люди съ самаго перваго времени своего существованія: расы болѣе культурныя выжидали и губили расы низшія, а расы низшія вытѣснили и побѣдили антропидовъ. Въ концѣ концовъ исчезнуть и антропиды и дикари. Не по закону и праву человѣкъ занялъ то положеніе, которое имѣетъ теперь, онъ занялъ его, благодаря насилію и силѣ, но со временемъ нѣкое *état de force majeure* побѣдитъ и его. Солнце станетъ меньше давать тепла землѣ, земля будетъ меньше производить питательныхъ и нужныхъ веществъ для человѣка, за процессомъ культурнаго развитія начнется періодъ паденія, эпоха декаденса, которая кончится смертью человѣчества. Человѣчеству принадлежитъ только моментъ міровой исторіи, оно построило свое—относительное—благополучіе на костяхъ своихъ предковъ и родственныхъ имъ существъ. Но если такъ, то, значитъ, человѣку нечего и претендовать на какую то религію и высшую мораль. Для своего временнаго благополучія онъ можетъ создать условно-временную мораль, право, полицейскій уставъ, но все это не имѣетъ отношенія къ абсолютнымъ идеаламъ, къ Высшему Существо, и человѣкъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ этимъ Существомъ.

Такъ, новое ученіе о происхожденіи и судьбѣ человѣка устраняетъ религіозныя воззрѣнія на его существо и назначеніе. Новое ученіе самоутверждается исключительно на данныхъ естественно-историческихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно своимъ содержаніемъ связываетъ естественно-историческія науки съ чисто историческими, сообщаетъ послѣднимъ методъ первыхъ и отъ этихъ же первыхъ беретъ руководящія и освящающія идеи, которыя и поставлены послѣдними во главу угла. Исторія человѣчества, по новому ученію, является только частью, правда, важнѣйшею, но все таки частью исторіи животнаго міра. Антропология неразрывною связью связывается съ зоологіей. Говорятъ, что въ третичный геологическій періодъ было на землѣ какое то существо, о которомъ трудно рѣшить—было ли оно животнымъ или человѣкомъ? Оно употребляло камни, какъ орудія, по видимому иногда даже пользовалось огнемъ, но, полагаютъ, не владело членораздѣльною рѣчью. Въ четвертичный періодъ человѣчество прошло много стадій въ своемъ развитіи: эпохи-шеллейскую, мустьерскую (геологически, въ

ледниковую эпоху: послѣдующія стадіи—въ современную), солиотрійскую, магдаленскую (все это продолжительное время называется періодомъ обитанго камня, которымъ пользовался тогда человѣкъ для своихъ нехитрыхъ цѣлей), затѣмъ робенгаузскую (эпоха, когда человѣкъ сталъ употреблять полированный камень) и затѣмъ, пройдя этотъ длинный рядъ стадій (наглядно-археологически—эта исторія происхожденія и развитія человѣчества представлена въ с.-жерменскомъ музеѣ національныхъ древностей близъ Парижа), человѣкъ вступилъ въ періодъ историческій (эпоха металловъ). Такъ, исторіи, по новому ученію предшествовало въ жизни человѣчества долгое и темное прошлое. Съ религіозной точки зрѣнія въ жизни человѣчества не было доисторическаго періода. Первый человѣкъ Адамъ всецѣло принадлежитъ исторіи. Созданіе человѣка—это великій актъ занесенный въ назиданіе и поученіе человѣчеству на страницы библіи, за твореніемъ вскорѣ послѣдовало паденіе и немедленно обѣтованіе о спасеніи. Послѣ этого начинается исторія домо-стронительства человѣческаго спасенія, исторія человѣческихъ преступленій и божественныхъ милостей. Человѣкъ стремится непрестанно удаляться отъ Бога, и Богъ непрестанно призываетъ его къ Себѣ. Богъ выдѣляетъ изъ среды человѣчества одинъ наиболѣе надежный родъ авраамовъ для храненія божественной истины, даетъ законъ, посылаетъ пророковъ, наконецъ посылаетъ своего единороднаго сына, человѣчеству подаются дары Духа Святаго. Такъ представляемъ мы основные моменты міровой исторіи: твореніе, паденіе, и искушеніе. Вмѣстѣ съ этимъ мы думаемъ, что мы владемъ и подробностями этой исторіи въ богодухновенныхъ повѣствованіяхъ Библіи. Съ нашей точки зрѣнія исторія человѣчества есть собственно исторія церкви. Все, что было свѣтлаго и добраго на землѣ, стремилось подниматься къ небу, къ Богу и ко всему, въ чемъ только теплилась искра добра и свѣта, нисходилъ Богъ, изъ этихъ двухъ совмѣстныхъ процессовъ—восхожденія конечнаго и нисхожденія безконечнаго и слагается все то, что есть свѣтлаго въ исторіи человѣчества. Мы представляемъ себѣ, что бытіе человѣчества имѣетъ цѣль, что эта цѣль—въ Богѣ, и что исторія человѣчества должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія этой цѣли—воплощенія Логоса въ человѣчествѣ. Со-

временная историческая наука рисуетъ и разсматриваетъ судьбы человѣчества совершенно инымъ образомъ.

Изъ темнаго и безвѣстнаго состоянія человѣчество направляется къ знанію и свѣту. Историческому состоянію человѣчества предшествовалъ долгій и темный доисторическій періодъ. Человѣчество раздробилось на рѣзко различающіяся между собою расы, образовались разнообразнѣйшіе языки, формы общежитія смѣнялись и дифференцировались, а люди все еще не предавали памяти и писемни то, что переживали. За нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. на берегахъ великихъ рѣкъ Нила и Тигра и Евфрата создались наконецъ государства и явились писмена, искусства, религіи Религіи, какъ и искусства, всецѣло созданіе человѣка. Всѣ народы имѣютъ ихъ и при всемъ кажущемся разнообразіи у всѣхъ народовъ они проходятъ нѣкоторыя весьма сходныя фазы въ своемъ развитіи. Наиболѣе подробно по многимъ причинамъ изучены теперь религіозныя судьбы еврейскаго народа. Ихъ представляютъ такимъ образомъ. Еврей-южная вѣтвь сѣверныхъ семитовъ. Какъ и всѣ народы, они начали свою религіозную жизнь съ натурализма, анимизма, фетишизма, идололатріи и политеизма. У людей въ древнѣйшую эпоху, говорятъ, никакимъ образомъ не могло быть монотеистическихъ представленій, потому что у нихъ безусловно не было даже мысли о единствѣ существующаго. Евреи въ древнѣйшее время почитали священные камни (*matsébah*). Такимъ священнымъ камнемъ сталъ для Иакова тотъ, который служилъ ему изголовьемъ, когда онъ увидѣлъ свой чудесный сонъ. Иаковъ полилъ камень масломъ, совершилъ на немъ возліаніе и назвалъ его Веилъ-домъ Божій. Камень — мѣсто обитанія Божества. Теперь высказываютъ предположеніе, что въ ковчегѣ помѣщались священные камни—метеориты, изъ чего и возникло сказаніе о двухъ каменныхъ скрижаляхъ, на которыхъ были написаны божественныя заповѣди. Почитали евреи священные деревья (все равно какъ въ глубокой древности греки почитали додонскій дубъ). На это указываетъ сказаніе о древѣ жизни въ раю, на это указываютъ названія нѣкоторыхъ деревьевъ, начинающіяся съ *él* (Богъ). Почитались священные источники, вода которыхъ называлась водою живою (Быт. XXIV, 19; Лев. XIV, 3, 50; пѣсн. пѣсн. IV, 15), и

въ позднѣйшую эпоху церемонія очищенія прокаженныхъ соединялась съ обрядомъ закальванія жертвенной птицы надъ живою водою. Почитались у евреевъ высоты (bamoth). Все это равно почиталось и у другихъ хананейскихъ народовъ. Всѣ они думали и вѣрили, что въ почитаемыхъ ими мѣстахъ и предметахъ живетъ Божество. Культъ мертвыхъ и предковъ распространенный у всѣхъ некультурныхъ, а частью и культурныхъ расъ былъ распространенъ и у евреевъ. Такъ Самуилъ вызванный изъ гроба аэндорской волшебницей для Саула, называется ею ёlohim (богомъ). Существованіе культа мертвыхъ у евреевъ усматриваютъ еще изъ того, что гробы наиболѣе почитаемыхъ предковъ находились у нихъ въ самыхъ важнѣйшихъ мѣстахъ ихъ религіознаго культа. Такъ, въ Хевронѣ былъ гробъ Авраама, Сарры и Иакова. Около Веоила подъ священнымъ дубомъ была погребена Девора, кормилица Ревекки, въ Кадесѣ-Маріамъ, сестра Моисея, въ Сихемѣ находились кости Иосифа, Офра служила погребальницей для семейства Гедеона; останкамъ дочери Іеѳая ежегодно оказывалось четырехдневное религіозное чествованіе. Наконецъ, евреи имѣли идоловъ. Объ этомъ говорятъ терафимы Рахили и терафимы Мелхолы. Человѣческія жертвы (жертвоприношеніе Авраама, разрубленіе Самуиломъ Агага предъ Господомъ, жертвоприношеніе дочери Іеѳая), натуралистическіе праздники (праздникъ пасхи—агнецъ съ горькими травами) вообще все, что было у древнихъ окрестныхъ народовъ, находятъ и у евреевъ. Но постепенно у евреевъ надъ почитаемыми ими божественными существами началъ возвышаться одинъ Богъ—Іегова. Первоначально, полагаютъ, Іегова имѣлъ характеръ божества натуралистическаго. Его представляютъ являющимся Моисею въ огненномъ пламени и въ горящемъ кустѣ. При странствованіяхъ евреевъ по пустынѣ Онъ открывается имъ днемъ, какъ столпъ облачный; ночью, какъ столпъ огненный. На Синаѣ—мѣстѣ Его обитанія—онъ является среди громовъ, огней, облаковъ и дыма. Вся гора была, какъ раскаленная и какъ потрясаемая печь. Богъ назывался огнемъ поядающимъ. Сначала Іегова мыслился какъ единый Богъ евреевъ, но вовсе не какъ единственный Богъ вселенной. Къ этому послѣднему монотеистическому представленію евреи окончательно пришли уже въ эпоху пророковъ, которые устано-

види единство Божества и Его этической (вмѣсто прежняго натуралистическаго) характеръ. Эпоха пророковъ была эпохою религіознаго развитія Израиля, никогда впоследствии онъ не поднимался до такихъ возвышенныхъ и благородныхъ представлений о божествѣ и универсальныхъ воззрѣній на человѣчество, какъ во дни Исаи, Иереміи, неизвѣстнаго пророка, которымъ написана послѣдняя часть книги Исаи, и др. Неблагопріятныя политическія условія послѣдующаго времени сдѣлали то, что евреи впоследствии замкнулись въ своемъ національномъ эгоизмѣ и своей національной обособленности, они создали законъ, связавъ его съ именемъ Моисея — законъ узко національный, въ которомъ на мѣсто универсализма сталъ юдаизмъ и на мѣсто требованія милости и послушанія стали жертвы и тукъ оновъ. Но не всѣ захотѣли понести это неудобноносимое иго закона. Въ израиль образовались секты: фарисеевъ, саддукеевъ, ессеевъ и терапевтовъ, изъ которыхъ одни стремились усилить значеніе буквы, другіе заботились о духѣ. Неизвѣстно, какимъ образомъ—исторически можетъ быть даже и не связаннымъ съ послѣдними ученіями — явилось ученіе Иисуса о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ, о любви къ ближнему, о томъ, что всѣ люди наши ближніе и о томъ, что должно прощать обижающихъ, а не преслѣдовать ихъ. Сѣмена этого возвышеннаго ученія, брошенныя на палестинскую почву, быстро были разнесены по всему міру. Исторія его возникновенія и распространенія, вообще исторія христіанства въ первый вѣкъ христіанской эры считается темною и неизвѣстною. Начиная со втораго вѣка, христіанство развивается уже при свѣтѣ исторіи. Происходитъ постепенная амальгама этической доктрины Иисуса съ религіозными ученіями востока и философскими запада. Первые опыты такого соединенія оказываются преждевременными и неудачными и отвергаются общехристіанскимъ сознаніемъ, какъ гностическія ереси, но потомъ процессъ сліянія начинается совершаться. Въ христіанствѣ является ученіе о Логосѣ, заимствованное изъ александрійской философіи, міровая душа платонизма преобразуется въ личный Св. Духъ, языческія містеріи измѣняются въ христіанскія таинства. Статуи и изображенія языческихъ боговъ создаютъ христіанскую скульптуру и христіанскую иконогра-

фію. Въмсто языческихъ жрецовъ явилась христіанская іерархія, и на мѣсто pontifex maximus'a въ Римѣ явился папа. Вступившее въ союзъ съ языческою религіею и философіею христіанство, далѣе, вступаетъ въ союзъ съ правительствомъ, къ прежнимъ заимствованіямъ изъ чуждыхъ ученій, заимствованіямъ совершавшимся безсозпательно, присоединились сознательные компромиссы съ требованіями власти, христіанское ученіе осложняется, и въ христіанствѣ происходятъ раздѣленія.

Относительно того источника религіи, которымъ въ представленіи религіозныхъ судьбъ человѣчества вѣрующіе руководились въ теченіе тысячелѣтій,—относительно Библии наука утверждаетъ, что ея происхожденіе было совершенно инымъ, чѣмъ представляетъ это вѣрующее сознаніе, и что ея содержаніе въ значительной степени заслуживаетъ очень небольшого довѣрія. Христіане привыкли думать, что въ Библии древнѣйшая часть—первыя пять книгъ (Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконіе), что все содержаніе ихъ безусловно истинно, и что они написаны Моисеемъ. Все это, говорятъ, совершенно ошибочно. Эти книги составлены изъ разнообразныхъ древнѣйшихъ записей путемъ спайки и переработки многими лицами и окончательную свою редакцію получили къ очень позднему времени. Въ нихъ, полагають, ясно можно различать іеговистическій источникъ IX столѣтія до Р. X. и элогистическій источникъ VIII вѣка (написанъ въ пророческомъ стилѣ: нравственныя увѣщанія, месіанскія надежды), священнической кодексъ (книга Левитъ, написанъ между X и V вѣками, въ окончательной редакціи въ видѣ принесенъ Ездрую въ 458 г.), Второзаконіе (при первосвященникѣ Хелкн въ 622 г. до Р. X.). Первоначально эти книги никто не считалъ моисеевыми, но такъ какъ съ именемъ Моисея издревле связывалось представленіе о законодателѣ, то въ синагогахъ при чтеніи писаній постепенно вырабатывался обычай предварять чтенія священнаго отрывка словами: „Моисей пишетъ, Моисей говоритъ“, хотя бы дѣло шло даже о погребеніи Моисея, о которомъ онъ не могъ ни писать ни говорить. Въ христіанской литературѣ бл. Іеронимъ первый назвалъ пять первыхъ книгъ Библии моисеевыми, и затѣмъ вскорѣ это мнѣніе приобрѣло значеніе догмата. На самомъ дѣлѣ, литература евреевъ, говорятъ,

не восходитъ къ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ время судей. Сначала эта литература, какъ и у всѣхъ народовъ, была исключительно поэзіею. Въ пѣснѣ Деворы, побѣдившей Варака, видятъ образчикъ этой древней поэзіи. Были какія то книга пѣсенъ и книга браней господнихъ, но онѣ не сохранились до нашего времени. Характерный и древнѣйшій памятникъ еврейской литературы, это—первоначальный декалогъ (Исхода XXXIV, 10—27), въ которомъ формулируется сущность завѣта Іеговы съ Израилемъ. Израилю приказывается не вступать въ союзъ съ хананеянами, не имѣть общенія съ ними въ жертвахъ, не заключать съ ними браковъ, далѣе запрещается дѣланіе боговъ литыхъ, запрещается варить козленка въ молокъ его матери, все первородное предписывается посвящать Богу, повелѣвается соблюдать субботу, и праздновать праздникъ опрѣсноковъ, праздникъ начатковъ жатвы и т. д. Около времени возникновенія древнѣйшаго декалога писалъ іеговистъ, затѣмъ явился декалогъ классическій и произведенія элогиста. Затѣмъ, писанія пророковъ. Древнѣйшія: Амоса, Осія, Исаія (первыя XXXIX главъ не въ полномъ составѣ), Михея. За ними слѣдуютъ Софонія, Іеремія, Наумъ, Аввакумъ. Въ эпоху вавилонскаго плѣна писалъ Іезекіиль. Въ это время въ первый разъ было сдѣлано собраніе священныхъ книгъ, начиная съ книги бытія и кончая четвертою книгою царствъ, за исключеніемъ священническаго кодекса и нѣкоторыхъ другихъ текстовъ составленныхъ позднѣе. Въ концѣ вавилонскаго плѣна, когда уже пачалъ свое завоевательное движеніе Киръ, писалъ анонимный пророкъ, пророчества котораго соединили потомъ съ пророчествами Исаіи, но дѣятельность пр. Исаіи падаетъ на время Езекии (VIII в. до Р. Х.), а послѣднія XXVII главъ книги пр. Исаіи написаны по поводу событій, происходившихъ въ послѣднюю половину VI вѣка. Послѣ эпохи Ездры и Нееміи являются книги Руфъ, Іоны, пророчества Іоуля, составляются хроники или паралипоменонъ. Возникаетъ особый родъ литературы—ученіе премудрости. Въ этомъ духѣ и въ это время написаны притчи, премудрость Сираха, книга Іова, Екклесіастъ, позднѣе—премудрость Соломона. Въ маккавейскую эпоху дѣлается собраніе псалмовъ (большею частію послѣплѣннаго происхожденія) и была написана пѣснь пѣсеней. Тяжелыя политическія обстоятель-

ства создали тогда апокалипсическую литературу, т. е. литературу, въ которой событія описываются и подаются утѣшенія подѣ условными образами. Въ такомъ духѣ написана книга пр. Даниїла (составлена между 167—165 г. до Р. Х.). Таково происхожденіе нашей ветхозавѣтной Библии. Новый завѣтъ, говорятъ, написанъ въ концѣ 1-го и первой половинѣ 11-го вѣка. Большая часть авторовъ считаются неизвѣстными. Только нѣкоторыя посланія ап. Павла (къ римлянамъ за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, главъ, къ коринѳянамъ, къ галатамъ) считаются несомнѣнно подлинными, но въ общемъ имена авторовъ новозавѣтныхъ писаній псевдонимы. Подозрѣнія ихъ подлинности одновременны съ ихъ появленіемъ. Такъ, Маркіонъ уже въ половинѣ II вѣка признавалъ, что въ посланіяхъ ап. Павла допущена широкая фальсификація. Объ авторѣ посланія къ евреямъ съ самыхъ первыхъ вѣковъ велись горячіе споры, и эти споры разрѣшились не въ пользу принадлежности посланія ап. Павлу. О синоптическихъ евангеліяхъ полагаютъ, что они написаны послѣ разрушенія Іерусалима, ибо въ нихъ описывается это разрушеніе; значить, они написаны лѣтъ чрезъ пятьдесятъ послѣ смерти основателя христіанства. Евангеліе Іоанна, полагаютъ, написано позднѣе и подѣ влияніемъ александрійской философіи. Книгу дѣяній считаютъ составленною изъ различныхъ документовъ, которые соединены вмѣстѣ, конецъ книги утерянъ. Соборныя посланія всѣ неподлинны, послѣднее изъ нихъ такъ называемое посланіе Іуды явилось не ранѣе 125 года. Въ эпоху образованія новозавѣтнаго канона имѣла широкое распространеніе анонимная литература: для приданія авторитета тѣмъ или другимъ положеніямъ посланія или книги называли авторомъ посланія или книги апостола, вообще лицо авторитетное. Это эпоха характеризовалась еще надеждою, что второе пришествіе Христова имѣетъ быть очень скоро, и этою надеждою проникнуты многія посланія. Этою надеждою проникнутъ и апокалипсисъ—произведеніе неизвѣстнаго автора (можетъ быть пресвитера Іоанна) совершенно аналогическое книгѣ пр. Даниїла.

Изученіе содержанія, какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ писаній, показывается, что они заключаютъ въ себѣ многочисленныя противорѣчія, несогласованность, грубыя ошибки, они вообще носятъ на себѣ туже печать, какъ

и произведенія другихъ народовъ, въ нихъ обнаруживается широкій полетъ фантазіи, въ нихъ раскрываются героическія представленія юнаго народа, слышатся несбыточные мечты, видно наивное представленіе дѣйствительности. Особенность библейскихъ книгъ въ сравненіи съ другими произведеніями древности заключается въ томъ, что рука позднѣйшихъ редакторовъ пыталась сгладить и ослабить въ нихъ противорѣчія различныхъ мѣстъ и сообщить содержанію ихъ болѣе возвышенный и болѣе духовный характеръ. Такъ поступали редакторы, такъ поступали и переводчики, переводъ LXX, говорятъ, одухотворилъ образъ Бога Израилева, который въ еврейскомъ подлинникѣ представляется очень чувственно и очень человѣкообразно.

Христіанское ученіе, полагаютъ, относится къ ученію Библии такъ, какъ ученіе брамановъ относится къ ведамъ. Многіе гимны ведъ явились ранѣе, чѣмъ у индусовъ создалось представленіе Бога Браммы, и однако брамаисты пытаются представить, что веды во всемъ ихъ объемѣ и во всѣхъ частяхъ говорятъ о Брамѣ. Такъ, говорятъ, христіане поступаютъ съ Библіею. Для полученія изъ Св. Писанія всего того, что получить изъ него было желательно, что на самомъ дѣлѣ въ немъ не заключалось или даже прямо имъ отвергалось, къ писанію прибавили преданіе. Къ теоріи писаннаго Слова Божія присоединилась теорія Слова Божія неписаннаго—устнаго. Исторически христіанство создано не на развалинахъ только еврейства, но на развалинахъ философскихъ и религіозныхъ ученій всего древняго міра. Теорія неписаннаго Слова Божія дѣлала весьма удобнымъ внесеніе въ христіанство новыхъ и чуждыхъ элементовъ. Неоплатоники, переходившіе въ христіанство, переносили въ него почти всю свою систему. Это въ значительной мѣрѣ, говорятъ, случилось съ блажен. Августиномъ. Римскіе юристы вносили въ христіанскую догматику термины и понятія римскаго права. Это приписываютъ Тертуллиану. Такъ, въ теченіе перваго тысячелѣтія христіанской эры создана христіанская догматика не какъ раскрытіе высшихъ истинъ и божественныхъ опредѣленій о человѣкѣ, а какъ результатъ взаимодѣйствія самыхъ различныхъ религіозныхъ и философскихъ концепцій при самыхъ различныхъ историческихъ условіяхъ.

Въ представленіи историческаго процесса религія, оказывающаяся въ несогласіи съ историческими науками, вступаетъ въ несогласіе и противорѣчія съ науками историко-философскими и философскими. Дѣлю въ томъ, что религія придаетъ въ исторіи важное значеніе такимъ факторамъ, которые съ точки зрѣнія философіи безусловно въ ней отсутствуютъ и совсѣмъ не существуютъ. Таково ученіе о свободѣ воли. Религія провозглашаетъ человѣка существомъ свободнымъ. Свобода воли—терминъ не совсѣмъ точный. Воля есть способность желаній, стремленій. Свобода есть способность рѣшаться на дѣйствія независимо отъ силы мотивовъ. Философы различно опредѣляютъ терминъ „свобода“, но въ обычномъ и непосредственномъ его пониманіи не существуетъ разпогласій. Способность человѣческой свободы представляютъ такимъ образомъ. Въ душѣ человѣка постоянно толпятся различныя мысли, чувствованія, желанія. Послѣднія не представляютъ собою чего-либо самостоятельнаго, они суть пѣчто выводное изъ того, что имѣется сейчасъ въ наличности и разума и чувства. За мыслями, чувствованіями и желаніями стоитъ способность рѣшаться на дѣятельность, способность санкціонировать то или другое изъ имѣющихся желаній или намѣреній, желанія же могутъ простираться и на мысли и на чувствованія. Я могу желать удалить изъ своей главы тѣ или другія мысли, подавить въ своемъ сердцѣ тѣ или другія чувствованія. Способность выбирать для осуществленія изъ толпящихся въ душѣ желаній одни какія-либо и подавлять другія и есть присущая человѣку свобода воли, она имѣетъ для себя причину въ человѣческомъ „я“ и ни въ чемъ болѣе. Самый актъ свободного выбора таковъ. Въ умѣ имѣются представленія возможныхъ дѣйствій a, b, c, d, e, f, воля желаетъ дѣйствій h, g, i, k, l. Свободное самоопредѣленіе рѣшаетъ произвести какое-либо дѣйствіе d, съ которымъ въ душѣ вовсе не было связано желаніе его осуществленія. Вообще у человѣка есть идея долга (сознаніе, что онъ долженъ дѣйствовать такимъ то образомъ независимо отъ личныхъ выгодъ) и стремленіе къ пріятному, къ тому, что доставляетъ наслажденіе его чувственной природѣ, его сердцу, его уму, все равно. Человѣку такимъ образомъ часто,—почти постоянно,—приходится выбирать между должнымъ и пріятнымъ, ибо въ те-

перешлемъ грѣховномъ состояніи человѣка должное и пріятное обыкновенно не совпадаютъ. Объ этомъ говоритъ апостолъ: „по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божиёмъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Рим. VII, 22—23). Свобода выбора у человѣка безгранична, ибо онъ самъ существо ограниченное, ограничена она способностью желаній и способностью дѣйствовать. Затѣмъ, дѣйствія человѣка несомнѣнно подчинены пѣкоторому закону, по которому имъ свойственно однообразіе, и человѣку всегда присущъ тотъ или другой характеръ. Но хотя свобода человѣка признается очень ограниченной, религія рѣшительно утверждаетъ фактъ ея существованія. Признавая человѣка твореніемъ Божиимъ, религія въ тоже время утверждаетъ, что человѣкъ есть и самъ собственный творецъ, содержаніе собственной нравственной личности онъ создаетъ путемъ собственныхъ усилій. На признаніи въ человѣкѣ такой творческой силы зиждется нравственная отвѣтственность человѣка, на немъ утверждается завѣтъ Божій съ человѣкомъ, возможность для человѣка вступленія въ царствіе Божіе, которое силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его.

Философія отрицаетъ свободу воли. Свобода воли, говорятъ философы, стоитъ въ противорѣчій съ закономъ причинности. Всякое явленіе имѣетъ свою причину. Сущность тезиса заключается въ слѣдующемъ. Всякое явленіе, которое намъ кажется возникающимъ вновь, въ сущности существовало всегда. Пояснимъ этотъ тезисъ примѣромъ. Въ телескопъ мы можемъ разсмотрѣть на небѣ туманность Андромеды. Она имѣетъ опредѣленную форму, она по представленію астрономовъ есть скопленіе пылеобразныхъ и вообще разрѣженныхъ частицъ удерживаемыхъ силою тяготѣнія въ опредѣленныхъ взаимоотнощеніяхъ. Атомы, изъ которыхъ состоятъ эти частицы и эта туманность, существовали отъ вѣчности, отъ вѣчности они обладали извѣстными свойствами и извѣстнымъ запасомъ движенія и двигались неизмѣнно по прямому направленію. Столкновенія, притяженія измѣняли ихъ путь, измѣняли ихъ взаимоотношеніе, такимъ образомъ, измѣняли картину и форму міра, но не измѣняли его содержанія. Въ мірѣ существуетъ безчисленное колп-

чество атомовъ, разсѣянныхъ на неизмѣримомъ пространствѣ, но сущность явленій происходящихъ въ мѣрѣ таже, какъ еслибы въ пространствѣ одного кубическаго метра было заключено два десятка атомовъ. Представимъ себѣ кубъ, сторона котораго равна одному метру, кубъ, имѣетъ восемь трехгранныхъ угловъ и двѣнадцать реберъ, положимъ въ вершинѣ каждаго угла и по срединѣ каждаго ребра помѣщено по атому и имъ сообщено движеніе внутрь куба, положимъ, что они обладаютъ силою взаимнаго притяженія и отталкиванія, обозначимъ на разстояніи единицы силу притяженія черезъ a , силу отталкиванія чрезъ b , притяженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія, законъ дѣйствія отталкиванія неизвѣстенъ (не всѣ и признають отталкиванія изначальнымъ свойствомъ, но нашъ примѣръ схематическій или условный: цифры, величины и отношенія могутъ быть другими; для насъ важно только, что безспоренъ и несомнѣненъ фактъ функціональной и безусловной взаимной зависимости этихъ величинъ и отношеній). Зная скорости атомовъ и ихъ взаимодействіе, мы можемъ вычислить, что случится съ взаимоотношеніемъ этихъ атомовъ чрезъ милліоны лѣтъ. Законъ причинности заключается въ томъ, что всякое послѣдующее есть математическій результатъ предыдущаго. $2+3=5$. Но въ математикѣ результатъ (сумма, произведеніе) уже данъ въ слагаемыхъ или множителяхъ, онъ уже существуетъ; такъ и по закону причинности все то, что будетъ существовать, уже существуетъ, ибо въ результатѣ, въ той суммѣ, которую представляетъ собою мѣръ, не можетъ быть больше того, что есть въ слагаемыхъ, въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ этотъ мѣръ образованъ. Это считаютъ безусловно справедливымъ какъ по отношенію къ физическому, такъ и психическому міру. Только психическій мѣръ болѣе сложенъ и менѣе изученъ. Но въ сущности весь процессъ міровой жизни можетъ быть выраженъ алгебраическимъ уравненіемъ. Обозначимъ пространство чрезъ V , его элементы $l, h, l_2, p, r_1, r_2, v, v_1, v_2$ (элементы одного, двухъ и трехъ измѣреній), время чрезъ T и его элементъ чрезъ t, t_1, t_2 , матерію чрезъ M и ея элементы черезъ m, m_1, m_2 , движеніе чрезъ D и его элементы чрезъ d, d_1, d_2 , и т. д. Эти четыре рода величинъ, взаимоотношеніе которыхъ опредѣляется очень простыми

законами (формулы всѣхъ открытыхъ законовъ очень сложны), и представляютъ собою весь физическій міръ. Психическія явленія еще неразложены на первоначальныя, ихъ образующіе элементы. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ установлено ихъ взаимоотношеніе съ физическими или физиологическими актами (ощущеніе есть логарифмъ раздраженія), ихъ отношеніе ко времени и пространству, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сложные психическіе акты разложены на простѣйшіе. И здѣсь царствуетъ законъ единообразія отношеній. Между элементами психическихъ актовъ существуетъ связь необходимости. Утверждаясь на этихъ основаніяхъ, философія заключаетъ, что наше представленіе самихъ себя свободными есть иллюзія. Независимо отъ соображеній, опирающихся на данныя психологическія и положительныя науки, философія утверждаетъ дажѣ, что этотъ характеръ иллюзіи представленію свободы долженъ быть приписанъ а priori, ибо изученіе дѣйствительности, изученіе физическаго міра и человѣческой исторіи можетъ утверждаться только на признаніи безусловной и всеобщей значимости принципа причинности. Но если этотъ принципъ имѣетъ дѣйствительно такую значимость, какую придаетъ ему философія, то тогда, очевидно, религіозныя требованія отъ человѣка самодѣятельности, имѣющія своимъ источникомъ иллюзію, не могутъ быть признаны разумными. Новѣйшая философія не отрицаетъ этики, не проповѣдуетъ безнравственности, но она утверждаетъ, что процессъ нравственнаго развитія въ человѣчествѣ совершается по нѣкоторымъ законамъ необходимости, а не есть свободное самосозданіе человѣчества. Есть въ мірѣ нѣкоторые законы, такіе же суровые и необходимые, какъ и законъ тяготѣнія, по которымъ дѣйствуетъ человѣкъ. Стоики уже до Р. X. отрицали свободу воли и были строгими детерминистами. У Зенона, главы стоической школы, его рабъ—замѣтно хорошо усвоившій ученіе своего господина, укралъ нѣкоторыя вещи Зенонъ, увидѣвъ его въ воровствѣ, сталъ бить его палкою. Рабъ тогда сказалъ: „мнѣ суждено воровать“, на это Зенонъ отвѣтилъ: „а мнѣ суждено бить тебя за это палкой“. Такимъ образомъ, если по закону необходимости совершаются преступленія, то по закону необходимости постигаетъ и возмездіе за эти преступленія. Эти и подобные законы произво-

дять то, что то, что мы называемъ нравственностію, можетъ возвышаться или понижаться въ человѣческомъ родѣ, въ людяхъ можетъ вырабатываться благородная или низкая настроенность. Но сами люди здѣсь ни причеиъ, они только материалъ, надъ которымъ дѣйствуютъ, и орудія, при помощи которыхъ дѣйствуютъ законы судьбы.

Принципъ причинности отрицаетъ собою идею цѣли. Количество вещества, движенія, психической энергіи и пространство и время остаются неизмѣнными. Принципъ причинности состоитъ собственно въ отрицаніи происхожденія, въ утвержденіи, что все существующее существовало всегда только подъ иными формами и будетъ существовать вѣчно. Жизнь вселенной представляетъ вѣчный круговоротъ но если такъ, то не можетъ быть рѣчи о цѣли существованія человѣчества и не можетъ быть рѣчи о средствахъ для достиженія этой цѣли „Цѣли нѣтъ передо мною“, сказалъ русскій поэтъ, и новѣйшіе философы, какъ и философы стараго времени, посвящаютъ громадныя трактаты доказательству этого тезиса. Религія намѣчаетъ человѣчеству, какъ цѣль, новое небо и новую землю, даетъ указанія и повелѣнія, какъ идти къ этой цѣли, и утверждаетъ, что всеблагое провидѣніе непрестанно содѣйствуетъ человѣку и поддерживаетъ его въ этихъ его возвышенныхъ стремленіяхъ. Религія утверждаетъ фактъ существованія промысла. Человѣкъ, какъ существо свободное, можетъ не только идти къ указываемой ему цѣли, но можетъ идти и отъ нея. Такія возвратныя движенія съ его стороны, удаленіе отъ лица Божія, оставленіе земли обѣтованной ради „страны далече“ влекутъ разстройство міроваго порядка, и Промыслъ непрестанно сверхъестественнымъ образомъ исправляетъ этотъ разстраивающійся порядокъ, Премудрая и Высочайшая свободная Воля Божества непрестанно исправляетъ печальныя послѣдствія неразумнаго употребленія свободы ограниченными существами. Философія отрицаетъ это утѣшительное ученіе. Въ мірѣ нѣтъ цѣлей, нѣтъ свободы, слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть никакого промысла. Образъ Божества промышляющаго и пекущагося о человѣчествѣ представляется современнымъ философамъ наивнымъ и дѣтскимъ. Корень и источникъ этого ученія видятъ въ склонности человѣка истолковывать все существующее по анало-

ги съ собою. Человѣкъ заботится о своей семьѣ, о своемъ хозяйствѣ, онъ удаляетъ отъ своихъ дѣтей злыя вліянія, поправляетъ разстраивающійся хозяйственный инвентарь, заботится о своихъ садахъ и животныхъ. Расширяя этотъ свой узкій мірокъ, онъ представляетъ, что міръ—это хозяйство Божіе, что въ немъ тоже все клонится къ упадку и разстройству, и что Богъ, хозяинъ вселенной, непрестанно противоборствуетъ тенденціи міра къ паденію. Такое представленіе о мірѣ и Богѣ философія отрицаетъ въ лицѣ большинства своихъ представителей рѣшительнымъ образомъ. Въ мірѣ все течетъ по неизмѣннымъ и вѣчнымъ законамъ и надъ міромъ нельзя себѣ представить никакого премірнаго Владыки. Въ мірѣ все связано связью необходимости. Идея причинности отрицаетъ возможность свободныхъ отношеній, отрицаетъ возможность существованія Бога внѣ міра и надъ міромъ. Все существующее есть одно цѣлое, и поэтому если есть нѣчто, что должно быть названо Богомъ, то это нѣчто имманентно міру. Если говорятъ, что Богъ есть причина міра, то, вѣдь, причина неотдѣлима отъ слѣдствія, и міръ такимъ образомъ неизбѣжно долженъ выходить изъ Бога, и причина далѣе уже не можетъ вліять на свое слѣдствіе, какъ вчерашнее состояніе погоды, разъ сказавшись на ея нынѣшнемъ состояніи, не можетъ уже вносить въ атмосферу никакихъ новыхъ измѣненій и являться свободнымъ факторомъ. Въ представленіи свободно дѣйствующаго Бога, вообще говоря, заключается масса противорѣчій. Если есть абсолютно-совершенное Существо, то и Его дѣйствія должны быть абсолютно совершенны, но абсолютно-совершенный образъ дѣйствій можетъ быть только одинъ. Здѣсь не можетъ быть множественности выбора, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста и свободы. Въ представленіи Божества личнымъ чело-вѣкообразнымъ существомъ поправляющимъ міровые неполадки тоже, говорятъ, заключается много противорѣчиваго. Личность всегда ограничена. „Я“ непремѣнно предполагаетъ собою „не-я“; мыслить себя, какъ „я“, значитъ мыслить границы своего существа. Личное Божество, это—безграничность, заключенная въ границахъ, это, слѣдовательно, нѣчто невозможное. Отсюда философія дѣлаетъ выводъ, что нѣтъ того Бога, Котораго мыслить христіанское сознаніе, присутствіе Котораго близь себя ощущаетъ вѣрующая совѣсть, къ

Которому живущее вѣрою человѣчество ежедневно обращается съ благодареніями и съ молитвами о своихъ нуждахъ. Такого Бога цѣтъ, и никакого Бога не въ силахъ представить себѣ ограниченный человѣческій разумъ. Ничто не промышляетъ о мірѣ и человѣкѣ и ни къ какой цѣли не направляется человѣчество.

Таковы положенія современной философіи, они безусловно противорѣчатъ тому образу мыслей, чувствованій и дѣйствія, которыя можно назвать общечеловѣческими. Но философія расходится съ христіанскою религіею не только въ конечныхъ выводахъ и результатахъ, она безусловно отрицаетъ тѣ начала, на которыхъ утверждается религія и исходитъ изъ отрицанія этихъ началъ. Религія утверждается на авторитетѣ; человѣку говорятъ: написанное въ Библии есть божественное откровеніе, и ты обязанъ вѣрить, что это—истина, хотя бы это казалось тебѣ соблазнительнымъ, страннымъ, нелѣпымъ. Религія налагаетъ табу (запрещеніе) на многіе предметы изслѣдованія и своими отвѣтами о происхожденіи и сущности мірозданія она заграждаетъ человѣку путь къ самой возможности изслѣдованія. Человѣкъ спрашиваетъ себя, какъ произошли альпійскія горы? Онъ видитъ, что въ нихъ происходятъ измѣненія; онъ подмѣтилъ, что расположеніе ихъ подчинено нѣкоторому закону, его уму предносится мысль о возможности объясненія, какъ земля образовала эти грандіозныя складки. Можетъ быть совершенно подобно тому, какъ образуются складки на воздушномъ шарѣ, содержимое котораго уменьшилось. Въ земной корѣ, содержимое которой вслѣдствіе охлажденія уменьшается въ объемѣ, точно также образуются складки, т. е. горы, какъ въ полотнѣ шара. Натуралистъ занятый этою мыслию изслѣдуетъ, изучаетъ горныя цѣпи. Онъ хочетъ подѣлиться своими наблюденіями и выводами съ богословомъ, излагаетъ свои догадки о далекомъ прошломъ нашей земли, о томъ, какъ зарождались и поднимались могучіе альпійскіе кряжи. Но богословъ уже имѣетъ непоколебимое ученіе о происхожденіи Альпъ: „той рече и быша“, онъ не хочетъ знать никакой исторіи, никакого процесса, никакой науки. Философы не могутъ примириться съ этою фаталистическою покорностію незнанія. Они ищутъ знанія и признаютъ безграничную свободу изслѣдованія, они отвергаютъ всякое табу, не

хотятъ рабства вѣры, они хотятъ только свободы знанія. Человѣческой разумъ есть для нихъ высшій авторитетъ, который принимаетъ и отвергаетъ ученія. Его авторитетъ обязателенъ и только его одного. И этотъ разумъ, мы видимъ, привелъ человѣка къ отрицанію вѣры, промысла, человѣческой свободы, на мѣсто священной исторіи этотъ разумъ поставилъ исторію естественную, онъ освѣтилъ міръ новымъ свѣтомъ и указалъ намъ въ немъ новое мѣсто. Этотъ разумъ назвалъ себя наукой и противопоставилъ себя вѣрѣ, ввѣряющейся не наукѣ, а религіи. „Духовное рабство, невѣжество, обскурантизмъ“, вотъ-какія слова наука часто ставитъ рядомъ съ словомъ „религія“, и не безъ сожалѣнія люди этой науки смотрятъ на людей вѣры.

Вотъ, положеніе дѣла въ настоящее время. На обязанности людей науки лежитъ довести путемъ доказательствъ и разъясненій истинность своихъ тезисовъ до такой очевидности, чтобы люди религіозной вѣры сознали несостоятельность своихъ вѣрованій и перешли подъ знамя не знающей никакихъ боговъ науки. Пусть они трудятся надъ этимъ! Мы искренне желаемъ, чтобы они какъ можно болѣе старательно поработали надъ выясненіемъ и обоснованіемъ своихъ доктринъ. Почему такъ? Можетъ быть спросять насъ. Потому что мы убѣждены непоколебимо, что ихъ выводы—грубое и вредное заблужденіе, и что если они будутъ заниматься тщательно и усердно ихъ разработкою, они въ концѣ концовъ сами убѣдятся, что то, къ чему они призывали все человѣчество, какъ къ новой истинѣ, было только жалкою и пустою химерою. Мы вѣримъ, что ихъ попытки разработать свое ученіе будутъ работою саморазрушенія. Судьба всѣхъ ошибочныхъ и ложныхъ ученій такова, что они погибаютъ по мѣрѣ того, какъ развиваются. Правильно сдѣланные выводы изъ ложныхъ положеній приводятъ ad absurdum и разрушаютъ свои основанія. Такова наша вѣра. Но эта вѣра не можетъ слагать съ насъ обязанности бороться съ заблужденіями. Нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ томъ фактѣ, что есть атеизмъ, что существуютъ безбожники, несомнѣнно, виновны не одни только атеисты, не одни безбожники. Виновны также и тѣ, которые, владѣя религіозною истиною, не заботились о томъ, чтобы показать другимъ, что она истина. Показывать и выяснять это нужно жизнью и словомъ.

Конечно, жизненный примѣръ несравненно могущественнѣе самой ученой книги: скромный и не книжный святой обратиться къ Богу несравненно больше людей, чѣмъ самый талантливый ученый. Однако нуженъ не только примѣръ, но и слово. Между современными невѣрующими мыслителями и христіанскою религіею стоятъ *idola* логическаго характера, стоять, по представленію ученыхъ, научные факты, на самомъ дѣлѣ—научное обсужденіе фактовъ. Устранять эти *idola* должно путемъ научнаго изслѣдованія, путемъ разсужденій, т. е. при помощи того же оружія, которое употребляютъ враги. Самое лучшее средство для разоблаченія заблужденій это выясненіе причинъ ихъ возникновенія. Постараемся не упускать этого изъ вида при дальнѣйшемъ разсужденіи.

С. Глаголевъ.
